



Жили две сестры — Анна-Мария и Виктория. Анна-Мария вышла замуж за богатого лавочника, Виктория — за угольщика. Уголь жечь — не то, что товары в лавке продавать да барыши подсчитывать. Угольщик работает много, зарабатывает мало. Но в маленьком домике, что стоял на опушке леса, всегда было весело, потому что угольщик вставал с песней и спать ложился с песней, да не с одной и той же, а всё с разными. И откуда он их брал! Дети у Виктории — две девочки и три мальчика — росли румяные, послушные и весёлые.

А у Анны-Марии был всего один сын, да и тот злой и плаксивый. Как мать ему ни угождала, как ни баловала, он только худел и бледнел от злости. Вот богатая Анна-Мария и завидовала бедной Виктории.

Настал год, когда в местности, где жили сестры, появилась чёрная лихорадка со своей подругой — костлявой смертью. Они заглядывали то в один дом, то в другой. Не миновали страшные гости хижины угольщика, постучались и в дом лавочника. В один день сестры вышли замуж, в один день стали вдовами.

Осталась Виктория с пятью маленькими детьми. Уголь обжигать не женское дело, а другой работы Виктория, как ни искала, найти не могла. Тогда решила она пойти к своей сестре Анне-Марии.

— Помоги мне, сестра, — попросила Виктория — Дай хоть немного хлеба, чтобы накормить детей.

— Навязались на мою голову дармоеды! — закричала Анна-Мария. — Ну, так и быть, бездельница, прибери в доме, вычисти хлев, накорми скотину, выполи огород, тогда и просить будешь.

Виктория прибрала в доме, вычистила хлев, задала корм коровам, подоила их, все сорняки в огороде выдергала.

— А теперь испеки хлеб, — приказала Анна-Мария. Когда хлеб испёкся, она выбрала самый маленький хлебец и дала сестре.

— Можешь приходить завтра опять, — сказала лавочница, а про себя подумала: Недолго же будут румяными твои дети, если ты разделишь на пятерых такой хлебец! Виктория пришла и на следующий день. Сестра задала ей работу ещё тяжелей, а вечером положила перед ней хлебец меньше вчерашнего. Только на этот раз Виктория оказалась похитрей — вымесила тесто, а руки мыть не стала. Пришла домой, поставила котёл на огонь и всю приставшую к ладоням муку стряхнула в воду. Получилась вкусная мучная похлёбка. Дети поели её и почти сытые легли спать.

Так и стала делать Виктория. И румянец на щеках её детей разлился ещё ярче, чем раньше.

Однажды Виктория во дворе у сестры молола на ручной мельнице зерно. Вдруг в ворота вошёл нищий старик.

— Дай мне кусочек хлеба, добрая женщина, — сказал он, — я голоден.

Виктория ответила:

— И рада бы накормить тебя, да я здесь не хозяйка. Попроси у моей сестры.

Тут Анна-Мария выбежала из дома и принялась браниться:

— Убирайся, бродяга, пока я собаку на тебя не натравила!

А за Анной-Марией выскочил её сыночек. Он собрал камешки под ногами и давай швырять их в старика.

Нищий повернулся, чтобы уйти, но Виктория успела шепнуть ему:

— Вечером жди меня у поворота дороги, где растут большие оливы.

Виктория кончила работу и пошла домой. На камне у поворота дороги сидел нищий и ждал Викторию. Она вынула из корзинки свой хлебец, разломала его на шесть равных частей и одну протянула старику. Старик взял хлеб и спросил:

— Чью же долю ты мне отдала, женщина?

— У меня пятеро детей, — ответила Виктория, — шестая я сама. Вот я и отдала свою долю. Ты не беспокойся, я сегодня много поработала и скоро усну. А во сне человеку есть не хочется.

— Что ж, спасибо. Может, и я тебе когда-нибудь помогу, — сказал старик.

Прошло ещё немного времени. Как-то сын Анны-Марии увидел парящего в небе орла и захотел с ним поиграть. Анна-Мария так любила сына, что будь у неё крылья, она непременно полетела бы за орлом. Однако крыльев у неё не было, и она стала уговаривать милого сыночка поиграть другими игрушками. Но милый сыночек хотел только орла. Он разинул свой большой рот и принялся вопить. Да так, что к вечеру все в доме оглохли от его крика, а сам он заболел.

— Ну, а твои дети, — спросила Анна-Мария у Виктории, — здоровы?

— Здоровы, — ответила Виктория.

И тут Анну-Марию начала грызть чёрная зависть. Она послала сестру работать в поле, а сама побежала к ней в дом. Когда Анна-Мария увидела, какие румяные и весёлые дети у Виктории, она чуть не заплакала от огорчения.

— Э, милые племянники, добра бы вам не видать, чем кормит вас мать, что у вас такие круглые щёки? — И она больно ущипнула младшего мальчика.

— Мы едим мучную похлёбку, — ответил старший.

— Мучную похлёбку? А где же мать берёт муку?

— Как только мама приходит домой, она стряхивает над котлом муку, приставшую к ладоням, — сказала девочка.

Ах вот оно что — подумала Анна-Мария.

В тот же вечер она велела своей сестре хорошенько вымыть руки перед уходом и прогнала её, не дав ни кусочка хлеба.

Виктория пошла домой с пустой корзинкой. На повороте дороги она остановилась и задумалась. Что она скажет голодным детям, чем их накормит?

Тут Виктория увидела у обочины три камня. Она подняла их, положила в корзинку и сверху

прикрыла передником.

К её возвращению дети, как всегда, наносили воды, вымыли котёл и разожгли огонь в очаге. Когда Виктория пришла, вода в котле уже закипала.

— Ну, детки, — сказала она, — сегодня у нас будет похлёбка, да не мучная, а из хорошего мяса.

С этими словами Виктория опустила в котёл три камня.

— А мясо долго варится? — спросили дети.

— Долго, детки, видите, какое оно твёрдое, — и Виктория постучала деревянной ложкой по камням в котле. — Когда оно станет мягким, похлёбка будет готова. А пока поиграйте.

Дети побежали играть. Мать села у котла, в котором варились камни, и горько заплакала.

Час уже поздний, — думала она, — дети поиграют и уснут, позабыв о еде. Сегодня я их обманула, а что с нами будет завтра? Удастся ли мне найти работу?

Но вот двери распахнулись и в комнату вбежали дети. Они привели с собой — кого бы вы думали? — того самого старика-нищего, которого Виктория недавно накормила хлебом.

— Мама, мама, — закричал старший сын, — дедушка сказал, что он тоже голоден! Накорми и его нашей мясной похлёбкой.

— Почему же не накормить? — проговорила Виктория. — Но мясо ещё твёрдое. Пусть дедушка погрееется у очага и подождёт, а вы побегайте немного.

Дети убежали. Тогда женщина сказала старику:

— Не сердись, добрый человек. В прошлый раз я отдала тебе свою долю. А сегодня у меня ничего нет.

— Что же варится в котле? — спросил старик.

— Камни, — отвечала печально Виктория.

— Зачем ты обманываешь меня? Я чувствую запах мяса.

— Клянусь тебе, там нет ничего, кроме камней, — сказала бедная женщина и, подбежав к котлу, черпнула из него большой деревянной ложкой.

Как же она удивилась, увидев в ложке большой кусок варёного мяса!

— Я же говорил, что пахнет мясом, — сказал старик. — Зови детей ужинать.

— Но похлёбку ещё нужно посолить, а у меня нет соли.

— У тебя красные глаза. Значит, ты плакала. Может, одна слезинка попала в котёл. Нет ничего солонее материнских слёз.

Виктория попробовала похлёбку. И правда, она была солонa в меру.

— Детки, идите есть! — закричала она обрадовано и налила похлёбку в большую миску.

— Дай детям по куску хлеба к похлёбке, — сказал старик.

Виктория покачала головой.

— В доме нет хлеба.

— Ты опять меня обманываешь, — ответил старик, усмехаясь. — Посмотри на полке в шкафу.

Виктория послушно открыла дверку шкафа и увидела, что на полке лежат семь паньолу — маленьких круглых хлебцев.

Все сытно поели. Потом старик сказал:

— Теперь неплохо бы выпить стаканчик доброго вина и закусить ломтиком броччо. Спустишь-ка, женщина, в погреб.

Виктория, не говоря ни слова, спустилась в погреб, хотя знала, что там совсем пусто, даже мышам поживиться нечем.

Но чудеса не кончились. В погребе стоял бочонок вина, и рядом лежали головки броччо — соленого овечьего сыра, а с толстого крюка на потолке свисали копчёные окорока и гроздь колбас. После ужина ребяташки уснули.

— Ах, синьор нищий, — воскликнула Виктория, — да вы, видно, волшебник!

— Так оно и есть, — ответил старик. — Сделать всё, что я сделал, сущие для меня пустяки. Видишь ли, за последнюю тысячу лет я порядком устал. В лесу в горах стоит старый дуб, мой ровесник; в его дупле я всегда отдыхаю, когда мне хочется. Сейчас я решил немножко вздремнуть, годков этак сто. А перед тем как отправиться в горы, хочу рассчитаться со всеми долгами. Всё, что я подарил, останется при тебе. В котле не переведётся мясо, в шкафу — хлеб, в погребе — вино, сыры и колбасы. А теперь я пойду. Есть у меня ещё один должок — твоей сестрице и её сынку. Платить его не так приятно, но что поделаешь!

И старик, кряхтя, поднялся со скамейки. Виктория догнала его у двери и схватила за край одежды.

— Ах, добрый синьор волшебник, прошу вас, пощадите мою сестру!

— И рад бы, да не могу. У нас, у волшебников, тоже свой закон — за всё платить по заслугам. Кто чего заслужил, то и получит.

Старик ушёл.

А Виктория так и не заснула до света. Хоть и злая у неё сестра, а всё-таки сестра. Утром побежала она к Анне-Марии.

Смотрит — Анна-Мария, целая и невредимая, вышла встречать её на крыльцо.

— Беда, сестрица! — закричала она. — Вчера вечером приходил ко мне тот самый проклятый ста. . . Ой, ой, ой! — и Анна-Мария схватилась за щёку. — Тот самый добрый старичок и сказал, что всякий раз, когда я начну браниться, у меня заболят зубы. А как не браниться, чтоб его черти унесли. Ой, ой, ой! Храни его пресвятая Мадонна!

Тут вбежал во двор и сынок Анны-Марии с палкой в руке. У крыльца спокойно сидела собака. Милый сынок хотел было замахнуться на собаку палкой, но палка извернулась змеей и ударила его по лбу.

— Золотой мой персик, — стала причитать, увидев это, Анна-Мария, — и тебя не пощадил старый дурак. Ой, ой, ой! Подумай только, сестрица, бедному ребёнку теперь и поиграть нельзя! Камень бросишь — в себя же попадёт. То и дело к его синякам и царапинам примочки прикладываю.

Виктория засмеялась и повернула домой.

Тут бы можно и кончить сказку, да вот что надо ещё сказать.

С той поры, как случилась эта история, прошло без малого сто лет. Скоро проснётся в своём дупле старый волшебник и опять пойдёт бродить по свету. Может, и вы, ребята, встретитесь с ним. Вы его не бойтесь. Он старик хороший. Не забывайте только, что он за всё платит по заслугам: кто

чего заслужил, то и получит.